

О. В. ЭДЕЛЬМАН

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ:

НИКОЛАЙ I И ЕГО ГВАРДИЯ

Вотечественной историографии сложилась давняя и устойчивая традиция видеть и оценивать последствия восстания 14 декабря почти исключительно через призму того, что происходило с участниками декабристского движения. В этой связи обсуждаются в первую очередь репрессии против декабристов, и, в более удаленном плане, общие принципы политики Николая I, «напуганного» декабрьским выступлением. Такая исследовательская оптика позволяет, действительно, видеть одну из важнейших сторон этого исторического момента. Но в то же время ряд аспектов остается без внимания. Ведь декабристы были не единственными участниками драмы, разыгравшейся на Сенатской площади. В ней участвовали молодой император, генералитет, верхушка государственного аппарата — и, несомненно, извлекли какие-то свои уроки, касающиеся не только общих принципов политики, но и гораздо более приземленных, ситуативных приемов управления. А статистами в этой драме выступила значительная часть состава императорской гвардии. На Сенатской площади шел бой, были убитые и раненые. Затем одни оказались в крепости, другие получили награды.

За 14-м декабря последовало противостояние самодержавной власти и узников — носителей либеральных идей. Эта во многих отношениях ставшая ключевой для последующей истории страны линия напряженности заслонила собою другие проблемы, также являвшиеся следствием 14 декабря, но быстро локализованные, оставшиеся латентными, не проявленными и потому имевшие значение лишь в рамках того исторического момента. Исследователи декабризма неоднократно обращали внимание на тот факт, что, карая декабристов, многие из которых были отпрысками знатнейших аристократических фамилий, Николай I должен был предпринять шаги

для привлечения высшего сословия на свою сторону, завоевания его симпатий. Представляется, однако, что в декабрьские дни 1825 года для только что вступившего на престол императора первоочередным вопросом было не расположение к нему аристократии¹, а гораздо более спешная и насущная проблема: отношения с гвардией.

Три восставших полка, беспокойно прошедшая присяга еще в нескольких, затянувшийся выход конной гвардии на помощь Николаю Павловичу, обнаружение участников заговора среди офицеров многих полков, наконец (быть может, в первую очередь) весьма двусмысленное поведение верхушки гвардейского командования в день восстания — новоиспеченному монарху тут было о чем беспокоиться². И, безусловно, он не мог себе позволить только лишь карательную политику. Положение требовало от Николая I уверенного, тонкого и тактичного маневра: выказать гвардии благодарность за поддержку, но не дать слабину и не допустить мысли, что царь от нее зависит; покарать мятежников, но не допустить, чтобы наказание раздражало излишней жесткостью; сделать милостивые жесты, но не допустить падения дисциплины. Николай Павлович с этой задачей справился довольно успешно.

Собственно, в общих чертах факты, на которые опирается данная статья, были давно известны и фигурировали в литературе. О наградах (правда, не полностью обо всех), полученных гвардейцами

1 Здесь уместно сослаться на мнение В. М. Боковой, полагающей, что восстание на Сенатской площади ужаснуло столичное общество, достаточно единодушно принявшее сторону Николая I, восшествие которого на престол пробудило к тому же массу оптимистических ожиданий (Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 575–583).

2 Здесь следует отметить существенный нюанс. До своего внезапного воцарения Николай Павлович командовал гвардейской пехотной бригадой, и к делу этому относился в высшей степени серьезно и ответственно. Непосредственными его начальниками по этой должности являлись командующий гвардейским корпусом генерал А. Л. Воинов, командующей гвардейской пехотой генерал К. И. Бистром, начальник Гвардейского штаба генерал А. И. Нейдгардт. Из дневника Николая Павловича видно, что на протяжении всего 1825 года с этими генералами он виделся регулярно, почти ежедневно, причем в целом круг общения великого князя в ту пору был весьма узким. Практически он сводился к членам семьи, тесному кругу домашних (адъютанты, воспитатели детей, фрейлины, несколько интимно приближенных к царской семье представителей аристократии, таких как графиня Ш. К. Ливен и княгиня А. Н. Волконская), а также представителям гвардейского и морского генералитета и офицерства, известным Николаю по службе, но отнюдь не входившим в его ближнее окружение. Напротив, в столичном свете Николай Павлович бывал лишь изредка, частных великосветских домов не посещал и связи его с аристократией в тот период были, по-видимому, слабыми (см. дневник Николая Павловича за 1825 г.: ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 48 (подлинник); Д. 49 (копия)). Таким образом, 14 декабря он должен был рассчитывать именно на поддержку гвардейской верхушки, и демонстративно неопределенное поведение Воинова и Бистрома не могло не стать для Николая одним из неприятнейших сюрпризов этого дня.

за подавление восстания на Сенатской площади, писали еще дореволюционные военные историки. В первую очередь следует назвать автора тщательно прописанной истории лейб-гвардии Московского полка Н. С. Пестрикова и Г. С. Габаева, труд которого об участии гвардии в декабристском восстании с 1920-х годов является основным по этой теме и по сию пору не утратил значения³. Причины, по которым я все же сочла полезным вернуться к этой проблеме, состоят в том, что по традиции писания полковых историй (в рамках которой оставался и Г. С. Габаев, специалист «старорежимной» формации, которому пришлось приспособляться к идеологическим условиям послереволюционных лет) полученные гвардейцами награды лишь перечислялись как пример монаршей милости к тому или иному полку или военнослужащему, но никогда не осмыслялись в более широких рамках, как часть мер, предпринятых Николаем I после восшествия на престол. Кроме того, работы Пестрикова и Габаева имеют один, общий для старой историографии, существенный недостаток: в них отсутствуют архивные ссылки⁴, что порождает у современного исследователя определенное недоверие к их данным⁵. Обратившись к материалам, хранящимся ныне в Российском государственном военно-историческом архиве, я смогла удостовериться, что, во-первых, данные эти вполне обоснованны, и во-вторых, в части наград и мероприятий по гвардии они неполны. Настоящая статья имеет целью восполнить фактические лакуны и дать более-менее цельный обзор политики Николая I в отношении гвардии в столь сложные первые месяцы его царствования. Говоря о политике в отношении гвардии, я имею в виду меры, явившиеся непосредственным следствием восстания; рассмотрение иных, связанных

3 Пестриков Н. С. История л.-гв. Московского полка. СПб., 1903–1904. Т. 2; Габаев Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. // Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 155–206 (Работа Габаева была опубликована как приложение к исследованию Преснякова).

4 Н. С. Пестриков работал с документами полкового архива, которые он обильно цитирует. Это тем более ценно, что часть использованных им дел до нас не дошла. Самой существенной потерей, если говорить о декабристоведении, являются материалы полкового следствия, ведшегося учрежденной при полку следственной комиссией, — лишь немногие его итоговые документы были затребованы Следственным комитетом по делу декабристов и сохранились в составе их следственных дел. Г. С. Габаев писал свою работу в то время, когда архивы перевозились из Петрограда в Москву и были недоступны, поэтому он был вынужден опираться на литературу и собственные старые выписки.

5 Это сказалось, в первую очередь, в имевшей место в советском декабристоведении дискуссии о числе человеческих жертв восстания на Сенатской площади. Данные, которые приводил Г. С. Габаев на основании военных архивов, были оспорены таким авторитетным ученым, как академик М. В. Нечкина, считавшая их намеренно заниженными правительственной стороной. Однако материалы РГВИА, как и общие соображения ряда исследователей, подтверждают цифры Габаева.

с течением службы, распоряжений по гвардейскому корпусу за этот период предоставим специалистам по военной истории.

Как известно, накануне воцарения командовавший гвардейской пехотной бригадой великий князь Николай Павлович был непопулярен среди гвардейцев из-за своих требовательности, мелочных придирок и формализма. На это, говоря об истоках ситуации междоусобицы, многократно указывали и современники, и исследователи. Но, пожалуй, одним из самых тонких и проницательных наблюдателей оказался декабрист В. И. Штейнгейль, заметивший, что тут дело было отнюдь не в промахах Николая Павловича, не потрудившегося завоевать симпатии подчиненных. «Вообще в это время вел. князь не имел приверженцев. Строгая справедливость (...) велит сказать, что нельзя ни укорять, ни винить в этом вел. князя. Покойный государь Александр был подозрителен, имея тоже к тому сильный повод. Приобрести любовь, особливо войск, было бы во стороны вел. князя более, нежели политической ошибкою»⁶.

После восстания Николай Павлович не мог не покарать мятежников. Но и слишком широкие репрессии были не в его интересах. Так же как не мог он наказывать тех, кто (хотя бы по видимости) действовали исключительно как приверженцы Константина Павловича.

19 декабря 1825 г. Николай I высочайшим манифестом объявил всех нижних чинов, участвовавших в восстании «как невольню к тому по заблуждению увлеченных» невиновными в государственном преступлении. Те рядовые, кто добровольно вернулся в свои казармы, были таким образом высочайше прощены и впоследствии отправлены заглаживать свой проступок на Кавказ, из них был сформирован лейб-гвардии Сводный полк. Солдаты, пытавшиеся при подавлении восстания оказать сопротивление и схваченные правительственными войсками, были сначала заключены в Петропавловскую крепость, а затем распределены по финляндским крепостям (Выборг, Кексгольм). Об умонастроении и моральном состоянии этих солдат находившийся в Кексгольме подполковник Выборгского пехотного полка Розенштейн 13 февраля рапортовал командующему Отдельным Финляндским корпусом генералу А. А. Закревскому: «Из числа находящихся арестантов в лазарете, двое из оных были весьма трудны, болезнь походила род сумасшествия, которая уже прошла, оные самые рассказывали, что сие приключилось не от чего более как единственно от тоски. Некоторые из арестантов спрашивали наших солдат, что не знают ли оные, что с ними будут делать и почему их до сих пор не приводят к присяге на верность службы. Хотя и было позволено им с конвоем прохаживаться в крепости, но они только один раз ходили, и то не более как четверть часа. Вообще заметно в сих людях большое уныние, особенно в Морском Экипа-

⁶ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма / Сост. Н. В. Зейфман, В. П. Шахеров. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 147.

же, о чем вашему превосходительству всеподданнейше донести честь имею»⁷. Участь этих солдат разрешилась вскорости, они также были включены в состав л.-гв. Сводного полка и отправлены к нему партиями из крепостей. Полк выступил из Петербурга 26 февраля 1826 г., принял участие в двух летних кампаниях, вернулся в столицу 11 декабря 1827 г. и был упразднен, а люди вернулись в прежние полки⁸.

Несколько солдат дополнительно пострадали за участие в восстании. Рядовой л.-гв. Московского полка Иван Матвеев был лишен награды за 20-летнюю беспорочную службу — знака отличия Св. Анны. В связи с этим в конце января 1826 г. командование Гвардейского корпуса распорядилось выяснить, нет ли еще среди рядовых провинившихся полков таких, кого следует лишить знаков отличия. Оказалось, что в л.-гв. Московском полку таковых больше нет, а среди лейб-гренадер — 6 человек и еще один уже умер от ран⁹. Кроме того, один гвардейский солдат был переведен служить в армию. Быть может, таких случаев было больше, но в архивах военного ведомства обнаруживается лишь дело о переводе в армию в феврале 1826 г. рядового Лейб-Гренадерского полка Трофима Черваченко. Наказан он был по совокупности, не только за восстание, но и за дурное поведение: в 1824 г. его дважды порол розгами за ослушание офицера и за кражу подметок у своего товарища по службе¹⁰.

Под суд за 14 декабря были отданы лишь 8 рядовых его участников, причем судили их за совершенные попутно в ходе восстания преступления служебного порядка: оказание прямого неповиновения непосредственному начальству, порчу или потерю знамени и т. п. В отношении рядовых имели место два судных дела, по одному шли унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка Александр Луцкий и рядовой того же полка Николай Поветкин, по другому — шестеро нижних чинов лейб-гвардии Гренадерского полка (унтер-офицер Трофим Федотов, барабанщик Федор Трофимов, рядовые Пантелей Долговязов, Данило Соловьев (Сысоев), Семен Рытов и Гаврила Мезенцов. Приговоры по обоим делам были вынесены уже после завершения процесса декабристов, в середине 1827 года, и восемь солдат после телесных наказаний отправились отбывать сибирскую каторгу¹¹.

⁷ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 19. Л. 8. (Об отправлении в Выборг и Кексгольм содержащихся в Санкт-Петербургской крепости гвардейских полков нижних чинов, участвовавших в происшествии 14 декабря 1825 г.)

⁸ Подробнее об этом см.: Габаев Г. С. Указ. соч. С. 195–197.

⁹ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 4136 (О лишении награды за выслугу лет рядового л.-гв. Московского полка Ивана Матвеева за участие в восстании 14 декабря 1825 г.).

¹⁰ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1440 (О переводе солдата л.-гв. Гренадерского полка Трофима Черваченко в армию).

¹¹ Подробнее см. в подготовленном нами очередном томе документальной серии «Восстание декабристов»: Восстание декабристов. Документы. Т. XXI. Дела

О том, как происходили аресты декабристов и солдат-участников восстания, существует обстоятельная литература¹² и нет необходимости здесь к этому возвращаться. Что в то же время происходило в остальной — и основной — части гвардии?

Во второй половине декабря в штабе Гвардейского корпуса занимались тремя проблемами, порожденными 14 декабря: выясняли, где находится недостающий личный состав затронутых восстанием полков, готовили наградные списки, а также устанавливали размер материального ущерба.

Первые представления о награждении были поданы буквально на следующий день после событий на Сенатской площади. 15 декабря командовавший конногвардейцами генерал-майор А. Ф. Орлов и командир кавалергардов генерал-лейтенант Н. И. Депрерадович представили списки офицеров, бывших в строю, с указанием тех из них, кто отличился «в действиях против мятежников» и заслуживает награждения. Затем появились такие же списки и от прочих полков, стоявших на Сенатской на правительственной стороне. Списки эти, как положено, прошли по команде через штаб Гвардейского корпуса, сведения уточнялись и проверялись, но еще до окончания декабря поступили на высочайшее рассмотрение. Для офицеров предусматривались ордена или производство в следующий чин, а для особо отличившихся назначение во флигель-адъютанты¹³. Ордена и производства раздавались щедро, особенно кавалергардам и конногвардейцам (там ордена были даны всем командирам полков, дивизионов и эскадронов, старшим полковникам и полковым адъютантам), и, как отмечал Г. С. Габаев, «замечается некоторое несоответствие их с заслугами перед правительством»; он же указывал, что ни до, ни после того никогда не случалось столь массового назначения в свиту: появилось в общей сложности 20 новых генерал-адъютантов и 40 флигель-адъютантов. Назначения генерал-адъютантов состоялись быстро, до 25 декабря, 39 флигель-адъютантов — до 15 января. Последним, с отсрочкой в полгода, флигель-адъютантские эполеты получил Владимир Иванович Пестель, указ состоялся 14 июля 1826 г., на другой день после казни его брата¹⁴. Традиционно это трактуется в литературе как довольно циничный жест Николая I в адрес семейства Пестелей: казни Павла Пестеля, он как бы такой ценой покупал лояльность его родни. Однако, при этом исследователи обращали внимание только на дату производства, но не на дату представления Владими-

Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / Под ред. С. В. Мироненко. Сост. О. В. Эдельман. (В печати).

12 См. например: Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988.

13 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1617 (О награждении офицеров и солдат, находившихся в строю 14 декабря 1825 г.). См. также соответствующий раздел работы Г. С. Габаева (Указ. соч. С. 197–201).

14 Габаев Г. С. Указ. соч. С. 197–198.

ра Пестеля. А представлен к производству он был 15 декабря, когда Николай Павлович еще не имел понятия ни о роли Павла Пестеля в тайном обществе, ни уж тем более не предполагал его казни. Ситуация оказывается гораздо более сложной. Мало того, путанице способствует упоминание Владимира Пестеля и в еще одном высочайшем приказе, изданном 7 июля 1826 г. и содержащем разом объявления высочайшего благоволения офицерам, хорошо себя показавшим во время обычных летних маневров под Красным Селом, а также перечень офицеров, прикосновенных к тайным обществам и в качестве наказания переводящихся в провинциальные полки и гарнизоны. Среди отмеченных монаршим благоволением значился командир дивизиона Кавалергардского полка полковник Пестель 3-й¹⁵.

Вероятно, назначение Владимира Пестеля во флигель-адъютанты было отложено до окончания следствия над декабристами, поскольку Николай I боялся попасть впрок: в тех обстоятельствах он вполне имел шанс обнаружить, что новоиспеченный флигель-адъютант тоже принадлежит к числу заговорщиков. Ведь пока готовились наградные документы, арестованный П. И. Пестель был не только привезен в Петербург, но и давал уже показания, и все более очевидной становилась его активнейшая роль в Южном обществе. Дружба двух братьев была известна, у следствия имелись сведения о причастности В. И. Пестеля к ранним декабристским организациям, к тому же его однополчане И. А. Анненков и П. Н. Свищунов, хотя и были на Сенатской площади на своих местах в рядах полка, но также оказались среди виновных. Неудивительно, что Николай не стал спешить с назначением Владимира Пестеля в свиту, а указ о назначении, последовавший 14 июля, был не столько его «покупкой», сколько гласным и демонстративным объявлением о его невиновности. Кроме того, это был также жест, адресованный и другим родственникам осужденных декабристов. Он означал, что император не собирается преследовать или ущемлять их за родственные связи с государственными преступниками. А Владимиру Пестелю (как и другим в его положении) давали понять, что преданность особе государя и верноподданнические обязательства должны стоять выше чувств к преступному брату.

В наградных списках нет подробного описания того, как именно отличился Владимир Пестель 14 декабря, сказано только, что он «14 числа был послан с эскадром в казармы Морского Экипажа и потом во всю ночь делал разъезды»¹⁶. В столь же общих выражениях описаны были и заслуги других офицеров. По-видимому, ни-

15 Типографский экземпляр высочайшего приказа от 7 июля 1826 г. см., например, в следственном деле поручика И. П. Гудима (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 80. Л. 5–6 об.); дело Гудима вошло в находящийся в печати т. XXI документальной серии «Восстание декабристов».

16 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1617. Л. 7.

чего особенного они и не сделали, находились на своих местах, выполняли приказы, на площади попадали под пули. Конногвардейцы и кавалергарды ходили в атаки на каре восставших, атаки по единодушному признанию свидетелей были вялые (официально это объяснялось тем, что лошади не были перекованы на зимние подковы с шипами и отчаянно скользили, был сильный гололед), ликвидировать восстание они не смогли. Кроме того, как известно, конногвардейцы пришли на площадь поздно, А. Ф. Орлову стоило труда вывести их из казарм, где они до неприличия долго собирались. Можно предположить поэтому, что широкая раздача наград была вызвана не столько заслугами этих двух привилегированных гвардейских кавалерийских полков, сколько именно необходимостью для власти раздать награды. Тем самым Николай I создавал видимость того, что гвардия поддержала его более решительно и безусловно, чем то было на самом деле; привязывал к себе офицеров; и даже, наградив сверх реальных заслуг, в некотором роде делал их обязанными себе, заставлял забыть, что сам только что крайне нуждался в их поддержке.

Среди награжденных особо стоит отметить тех, кто, оказавшись рядом с восставшими, пытался им помешать. Например, поручик лейб-гвардии Московского полка граф Ал. К. Ливен удержал солдат своей роты от участия в восстании, не выпустил их и казарм и хотел остановить и другие роты, при том что, по показаниям нескольких солдат и рапорту командующего 1-й гвардейской пехотной бригадой генерала Исленьева, в полковом дворе А. А. Бестужев грозил Ливену пистолетом¹⁷. Бестужев, впрочем, отрицал, что стрелял по Ливену¹⁸.

Рядовой того же л.-гв. Московского полка Харлам Григорьев спас при начале восстания бригадного командира генерал-майора В. Н. Шеншина. Как известно, Шеншин и полковой командир генерал-майор П. А. Фредерикс останавливали взбунтовавшихся солдат, выбегавших из казарм во двор и оттуда отправившихся на Сенатскую площадь. Чтобы не дать полковому и бригадному командирам пресечь восстание в самом начале, декабрист, штабс-капитан и командир роты этого полка кн. Д. А. Щепин-Ростовский ударами сабли изранил их обоих. Фредерикса он мог зарубить насмерть, если бы не вмешательство солдата Харлама Григорьева. «Когда штабс-капитан князь Щепин-Ростовский ударом сабли поверг на землю бригадного командира генерал-адъютанта Шеншина и продолжал наносить ему удары, в то время г [осподин] бригадный командир защищался ногами и придя уже в совершенное ослабление, не мог более защищаться, тогда Щепин-Ростовский занес саблю поперек корпуса его в намерении нанести сильнейший удар, но роты его высочества стрелок Харлам Григорьев, увидев и бросаясь на помощь его, поставил ружье и тем оборонил от смертельного удара. Генерал-адъютант Шен-

¹⁷ Там же. Л. 27–28.

¹⁸ Восстание декабристов. Т. 1. С. 439.

шин просил его императорское высочество довести сей похвальный поступок стрелка Григорьева до высочайшего его императорского величества сведения. Вследствие чего по личному докладу о сем его императорского высочества государь император высочайше повелеть соизволил: произвести рядового сего в унтер-офицеры, дать ему медаль за спасение человечества и денежное награждение»¹⁹. Харлам Григорьев получил и унтер-офицерский чин, и медаль «За спасение человечества», а денежная награда выразилась в 500 рублях²⁰.

Более скромный поступок, но также снискавший награду, совершил унтер-офицер Гвардейского Экипажа Хорошилов: «Когда его высочество, подъехав к Гвардейскому Экипажу, изволил увещевать людей, — унтер-офицер сего экипажа Василий Хорошилов в то же время, отделяясь от прочих, явился к его высочеству»²¹. Хорошилов мог бы таким образом дать пример, и Михаилу Павловичу удалось бы увести часть солдат с площади. Но они за Хорошиловым не последовали. А Хорошилов получил в награду 150 рублей.

Вообще, офицеров награждали преимущественно орденами и чинами, а рядовых — деньгами. Все рядовые солдаты, стоявшие 14 декабря на караулах на Главной гауптвахте и в губернских присутственных местах, получили в награду по 5 рублей, унтер-офицеры — по 10 рублей; находившиеся на Петровской (Сенатской) площади — рядовые по 50, унтер-офицеры по 100 рублей, у казарм Московского полка — рядовые по 50, унтер-офицеры по 300 рублей (всего на эти награждения было ассигновано 4425 руб.)²². Все рядовые, бывшие 14 декабря в строю в рядах правительственных войск и в городских караулах, их было 14 118 человек, получили по 2 рубля деньгами каждый. Кроме того, каждому из них был выдан дополнительный паек — по 2 чарки водки и по 2 фунта рыбы. Нижним чинам частей, вызванных в день

¹⁹ Отношение великого князя Михаила Павловича командующему Гвардейским корпусом генерал-адъютанту А. Л. Воинову, 2 апреля 1826 г. (РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1862. Л. 2–2 об.: О награждении унтер-офицера лейб-гвардии Московского полка Х. Григорьева за спасение бригадного командира генерал-адъютанта Шеншина от покушения на него штабс-капитана полка кн. Щепина-Ростовского во время восстания 14 декабря 1825 г.).

²⁰ О награждении Ливена и Х. Григорьева упоминает автор полковой истории: Пестриков Н. С. Указ. соч. Т. 2. С. 24, 27, 46.

²¹ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1747. Л. 2–2 об. (О выдаче наградных денег унтер-офицеру Гвардейского Экипажа Хорошилову).

²² РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 8–12. (О выдаче наградных денег солдатам гвардии, участвовавшим в подавлении восстания 14 декабря 1825 г.). По сведениям Г. С. Габаева, у Московских казарм в тот день стоял караул от л.-гв. Павловского полка, его начальник унтер-офицер Тюриков получил 300 рублей, а на остальных чинов караула — 24 человека — выделялась на всех 1000 рублей. В карауле на Сенатской площади находилось 3 унтер-офицера и 37 рядовых (Габаев Г. С. Указ. соч. С. 200), они, также как несшие караулы Зимнего дворца и Главной гауптвахты, были от л.-гв. Финляндского полка. Всего по городу в караулах было 26 рот, около 4000 человек (Там же. С. 180–181).

восстания из-за города, дано по 1 рублю, 1 чарке водки и 1 фунту рыбы²³. Причем военный министр генерал-адъютант А. И. Татищев сообщил 25 декабря командующему гвардейским корпусом высочайшее повеление, чтобы деньги было розданы солдатам «сегодня же», на это было отпущено 36836 рублей ассигнациями²⁴.

Благодарностью Николая Павловича был отмечен л.-гв. Конно-пионерный эскадрон и находившийся в одном дивизионе с ним 1-й Конно-пионерный (не гвардейский) эскадрон. По высочайшему повелению, отличившиеся рядовые дивизиона должны были получить по 30 рублей, унтер-офицеры по 40 руб., фельдфебель — 50 руб., всего для этого ассигновалось 1710 руб.²⁵

Что касается первой пришедшей на помощь Николаю части, л.-гв. Саперного батальона, то там все бывшие 14 и 15 декабря в строю офицеры были премированы годовым жалованьем²⁶. А рядовому составу л.-гв. Конного полка новым государем был повышен оклад жалованья, их сравняли с самым привилегированным в этом отношении полком — Кавалергардским²⁷.

Особые денежные выплаты получили солдаты, раненые в ходе восстания. Размер сумм колебался от 25 до 300 рублей в зависимости от тяжести ранения, величины определялись круглые — 25, 50, 100, 200, 300 рублей. Самую крупную награду за ранение — 500 рублей — получил рядовой л.-гв. Конного полка Карп Хватов, раненый пулей в плечо и лишившийся руки; также ему была назначена пожизненная пенсия в 500 рублей в год. Равного размера пенсию определили и вдове убитого в тот день конногвардейского унтер-офицера Антипина²⁸.

Среди награжденных раненых были два солдата-московца — унтер-офицер Иван Моисеев (Мосеев) и гренадер Красовский, «ранены мятежником князем Щепиным-Ростовским за то, что не отдавали знамя, первый саблею в голову, а последний в живот с выпадением сальника»²⁹. Они, как пострадавшие от мятежников, также были

награждены достаточно крупной суммой — по 300 руб. каждому³⁰, несмотря на то, что Щепин-Ростовский на первом допросе, снятом генералом В. В. Левашовым, сообщил, что раненый им Красовский объявил ему: «В<аше> с<иятельство>, вы ошиблись; я за Им<ператора> Констан<тина>» и отправился вместе с восставшими³¹.

Примечательно, что впоследствии были отмечены и лечившие раненых лекаря. Штаб-лекарь л.-гв. Московского полка Финдейзен получил орден Св. Анны 3-й степени за усердное лечение раненых и смотрение за полковым госпиталем, особенно же за «деланное пособие в совершенном излечении рядового одного полка, получившего во время случившегося 14 декабря происшествия от рук того л.-гв. Московского полка князя Щепина-Ростовского [ранение] саблею, которою распорол всю внутренность брюха»³². Вылечил от такой раны Финдейзен, очевидно, Андрея Красовского. Такую же награду, орден Св. Анны 3-й степени, Николай I определил и штаб-лекарю Кавалергардского полка Сильванскому, который 14 декабря «неотлучно находился при полку, подавал помощь раненым, и когда командир л.-гв. Гренадерского полка полковник Стюрлер был ранен мятежниками, то он первый из лекарей подал ему тут же на месте помощь»³³. К тому же Сильванский исполнял обязанности уехавшего с Александром I в Таганрог старшего полкового лекаря Рейнгольда, а лазарет Кавалергардского полка был одним из мест, куда свозили раненых во время восстания.

Перечисленным весь список награжденных за ликвидацию «происшествия» 14 декабря не исчерпывается. Не только бывшие в строю офицеры и солдаты, раненые, лекаря, полковые адъютанты — награды удостоился даже квартирмейстер л.-гв. Павловского полка Панов, получил по высочайшему приказу 800 руб. ассигнациями за то, что не дожидаясь приказа, привез в полк хлеба и выполнял свои квартирмейстерские обязанности³⁴. Очевидно, что Николай I намеренно раздавал награды сколь возможно щедро.

23 Габаев Г. С. Указ. соч. С. 197; РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 13.

24 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 10. О том, чтобы все награды были розданы без промедления, командование Гвардейского корпуса следило. Когда позже выяснилось, что два раненых конногвардейских унтер-офицера получили причитающиеся каждому 100 рублей с задержкой, только в марте месяце, о причинах промедления в штабе корпуса возникла специальная переписка. Оказалось, что так произошло по желанию самих награжденных, решивших получить деньги после выписки из госпиталя (Там же. Л. 2–6).

25 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1648 (Об отпуске денег солдатам л.-гв. Конно-пионерного эскадрона, отличившимся во время происшествия 14 декабря 1825 г.).

26 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1636 (О выдаче годового жалованья штаб- и обер-офицерам л.-гв. Саперного батальона).

27 Габаев Г. С. Указ. соч. С. 199.

28 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1616 (О выдаче пенсий семье убитого унтер-офицера л.-гв. Конно-пионерного эскадрона Антипова и солдату л.-гв. Конного полка Хватову).

29 «Список убитых и раненых нижних чинов 14 числа сего декабря», составлен-

ный по-видимому 16 декабря 1825 г. (РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611. Л. 8–11: О предоставлении командирами гвардейских частей ведомостей и списков солдат, раненых, убитых и пропавших без вести во время восстания 14 декабря 1825 г.).

30 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 11–12.

31 Восстание декабристов. Т. 1. С. 397–398. Однако если верить описанию раны А. Красовского, он вряд ли физически мог встать в ряды восставших и пойти с ними. В показаниях Д. А. Щепина-Ростовского встречаются фактические неточности, что неудивительно, учитывая бурные события того дня и желание декабриста оправдаться.

32 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1688. Л. 2 (О награждении штаб-лекаря л.-гв. Московского полка Финдейзена).

33 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1684. Л. 2 (О награждении по службе штаб-лекаря Кавалергардского полка Сильванского).

34 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1635 (О награждении квартирмейстера л.-гв. Павловского полка Панова за участие в подавлении восстания 14 декабря 1825 г.).

Но, вместе с тем, нельзя было и допустить девальвации этих наград. Поэтому, когда речь шла о награждении не по должности, а за какие-либо поступки, случаи эти так или иначе проверялись. Самую обстоятельную из известных нам проверок такого рода повлекло заявление фейерверкера Белорусова. Фейерверкер кронштадтского артиллерийского гарнизона Белорусов объявил по команде, что именно он опознал и помог задержать переодетого Н. А. Бестужева, пытавшегося спрятаться в Кронштадте после восстания. Белорусов рассчитывал на награду. Получив через генерал-фельдцейхмейстера в. кн. Михаила Павловича записку о Белорусове, руководство Главного штаба прежде всего озаботилось проверкой, действительно ли Белорусов заслуживает награды. Дежурный генерал А. Н. Потапов (сам член Следственного комитета по делу декабристов) обратился к возглавлявшему Следственный комитет военному министру А. И. Татищеву, с тем, чтобы от Н. А. Бестужева потребовали подробных показаний об обстоятельствах его ареста (возможно, возникло подозрение, что Белорусов мог быть с ним в сговоре, но затем выдал его властям). В Кронштадте же местной полицией было произведено целое следствие, допрошены все домочадцы и квартиранты Белорусова (Н. А. Бестужев был арестован в их доме, где попросил ночлега), затребованы рапорты местных полицейских чинов. Результатом этого разбирательства стали два дела — одно хранится в архиве Следственного Комитета, второе — в фонде Канцелярии дежурного генерала Главного штаба³⁵. Удостоверившись в обстоятельствах, Николай I распорядился выдать Белорусову одновременно сто рублей³⁶.

Между тем, командование гвардии столкнулось в результате восстания 14 декабря не только с необходимостью проводить аресты и возможностью представлять к наградам. Прежде всего, требовалось элементарно выяснить положение дел, и в первую очередь — где находится личный состав восставших полков. Сколько солдат осталось в казармах (то есть сохранило повиновение командованию), сколько ушло на Сенатскую площадь, кто из них вернулся к вечеру в казармы, а кто отсутствует и где они находятся; число убитых и раненых; наконец, материальный ущерб, нанесенный восстанием — все это надо было установить. Занимался сбором сведений штаб Отдельного гвардейского корпуса, туда стекалась информация из полков. В архивном фонде штаба хранятся два дела на этот счет, до сих пор не публиковавшихся и практически не использовавшихся в декабристоведении³⁷.

35 ГА РФ. Ф. 48. Д. 274; РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 14. Д. 50 (оба дела носят одинаковые названия: «О фейерверкере Белорусове, содействовавшем к поимке Николая Бестужева»).

36 РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 14. Д. 50. Л. 30–31.

37 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611, 1612. Большинство документов обоих дел (за исключением малозначащей канцелярской переписки) включено нами

Известно, что после картечных выстрелов на Сенатской площади солдаты восставших полков разбежались, часть их вернулась в свои казармы, часть была арестована и отправлена в Петропавловскую крепость; наконец, некоторые оказались в госпиталях или убитыми. Но проблема была в том, чтобы свести воедино и сопоставить списки по всем этим категориям. 15 декабря в трех гвардейских полках, Московском, Гренадерском и Морском Экипаже, знали лишь, сколько людей находится в казармах. Остальные числились неявившимися. Большинство из них находилось в крепости или госпиталях, но полковое начальство еще не получило их списков. Таким образом, 15 декабря от полков в Штаб гвардейского корпуса сообщалось: из л.-гв. Гренадерского — что накануне ушло из казарм унтер-офицеров 91, музыкантов 52, рядовых 1100, вечером больше половины вернулись в казармы, в том числе 11 ранеными, не вернулись 55 унтер-офицеров, 27 музыкантов и 493 рядовых³⁸, сведений об убитых пока не было; в Гвардейском Экипаже числили убитыми 3 рядовых и одного музыканта, ранеными 25 рядовых и одного унтер-офицера, не явившихся — 8 унтер-офицеров, 71 рядового и лейтенанта М. К. Кюхельбекера³⁹. На следующий день, 16 декабря, поступили сведения из л.-гв. Московского полка: «В полку убитых не имеется, сколько же убито со стороны мятежников, полку неизвестно, о раненых же при сем препровождается именной список». Раненых числилось — генерал Фредерикс, полковник Хвоцинский, унтер-офицер Иван Мосеев и гренадер Андрей Красовский, т. е. все раненые на полковом дворе Д. А. Щепиным-Ростовским. Кроме того, в полк явились трое раненых рядовых, бывших в рядах восставших. На 15–16 декабря в полку числилось в отлучке 350 человек рядовых, 27 унтер-офицеров, 4 музыкантов и 1 нестроевой чин⁴⁰. В полках понимали, несомненно, что не вернувшиеся в казармы люди скорее всего находятся в крепости. Но точных списков пока не имели.

Тем временем были получены сведения от коменданта Петропавловской крепости, пересчитавшего своих арестантов. Приходили и рапорты от госпиталей о находящихся там раненых солдатах. 17 декабря в Штабе гвардейского корпуса составили первый сводный список, в котором заметно много неясностей и противоречий. Видимо, занимавшийся этой работой полковник гвардейского штаба Зуйков быстро осознал, что, оперируя общими цифрами о количестве рядовых, унтер-офицеров и музыкантов каждого полка, до-

в подготовленный для публикации очередной том «Восстания декабристов» (Т. XXI, в печати).

38 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1612. Л. 15–18. Впрочем, в полку полагали, что в число не явившихся вошли и находящиеся на карауле в Зимнем дворце (унтер-офицеров 29, музыкантов 24, рядовых 82).

39 Там же. Л. 20–22.

40 Там же. Л. 6–10.

биться ясности не удастся, поэтому 19 декабря из полков были представлены первые варианты поименных списков солдат, по ротам. С этого момента учет и поиск велся уже не по общему количеству людей, но поименно. На списках осталось множество рабочих помет, сделанных рукой полковника Зуйкова. Он отмечал, что тот или иной солдат обнаружился в крепости, уточнял имена, в конце каждого ротного списка подводил итог, затем своей рукой написал ведомость о числе нижних чинов в крепости и госпиталях⁴¹. Но уже 20–21 декабря он составил обновленную версию — «Ведомость о числе людей, не явившихся в полки Гвардейского корпуса после 14 декабря, где сколько из них оказалось и затем сколько недосчитывается по представленным спискам»⁴². Теперь выходило следующее: не явившихся в казармы было москвичей 385, лейб-гренадер 276, гвардейских моряков 92, всего 753. Из них в крепости оказались 667 человек, в госпиталях 48, убито и умерло от ран 5, «затем действительно недосчитывается» 33 человека⁴³. Зуйков составил именной перечень этих, действительно отсутствовавших, солдат⁴⁴. В нем, впрочем, значится не 33, а 35 человек. Вскоре около 10 имен были сделаны приписки, что люди нашлись в крепости, куда были привезены с разных гауптвахт несколько дней спустя после восстания (отчего и возникла неразбериха), один умер в Придворном госпитале (а не в военных, сведения из которых поступили в штаб Гвардейского корпуса), двое оказались налицо при полку. В итоге недоставало 25 человек. На них 22 декабря из полков были затребованы подробные сведения из формулярных списков: откуда родом, холост или женат, где проживает семья. 24 декабря командующий Гвардейским корпусом препроводил списки пропавших солдат со всеми этими сведениями к петербургскому военному генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, прося «сделать зависящее с вашей стороны распоряжение к поимке их по приметам, в списке означенным»⁴⁵. Таким образом, гвардейское командование искало этих солдат среди живых, а не среди мертвых.

Представляется, что в штабе Гвардейского корпуса были близки к истине, полагая этих солдат беглыми, ведь есть и показания участников восстания, и свидетельства очевидцев, что солдаты, разбегаясь, бросали оружие, амуницию, снимали с себя обмундирование и переодевались в гражданскую одежду. Среди собранного на улицах Петербурга полкового имущества, действительно, были предметы форменной одежды, в том числе солдатские штаны; и если еще

41 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611. Л. 5–5 об.

42 Там же. Л. 6–7.

43 Все эти ведомости — черновые, цифры в них зачастую переправлены, а суммы кое-где не совпадают.

44 Там же. Л. 16–16 об.

45 Там же. Л. 30.

можно предположить, что те или иные детали костюма бежавшие в панике солдаты просто теряли (рукавицы, ремни, шапки), то про штаны этого никак не подумать нельзя. Однако, документов, проясняющих судьбу пропавших без вести солдат, в делах штаба Гвардейского корпуса не обнаружено. Неясно, нашли ли кого-то из них впоследствии.

Разбросанное по улицам столицы полковое казенное имущество было еще одним пунктом головной боли гвардейского начальства. Дней десять после восстания его собирала повсюду полиция. Речь шла не только о казенной амуниции, но и о весьма значительном количестве оружия. По подписанной 30 декабря 1825 г. исполняющим обязанности столичного военного губернатора П. В. Голенищевым-Кутузовым ведомости полковым вещам, собранным в 1-й и Васильевской частях Петербурга, ружей значилось 225 (из них «более 38» были заряжены), тесаков 162⁴⁶, и это не полные данные. Собранные вещи свозили в полицейские части, на караулы и гауптвахты, передавали в столичный ордонансгауз, в дежурство Гвардейского корпуса, туда являлись представители полков и разбирали вещи. Сюжет этот не заслуживал бы особого внимания (хотя, безусловно, перечни потерянных и брошенных бежавшими солдатами предметов дополняют ярким штрихом историю восстания 14 декабря), если бы не встал вопрос о возмещении нанесенного восстанием материального ущерба.

Процесс составления списков утраченного и поврежденного казенного имущества во всех трех полках занял много времени, существует несколько вариантов таких перечней⁴⁷. Наконец, 29 марта 1826 г. в штабе Гвардейского корпуса появилась итоговая сводная ведомость⁴⁸. На следующий день командующий корпусом генерал-адъютант А. Л. Воинов сообщил командующему гвардейской пехотой генерал-адъютанту К. И. Бистрому, что представленные перечни вызывают у него большое сомнение: там видны явные несоразности, например, странно, что утраченных ружейных замков числится больше, чем утраченных ружей, и т. д. Да и общее число утраченных вещей показалось Воинову подозрительно большим, он дал Бистрому распоряжение разобраться в этом вопросе⁴⁹. По-видимому, высшее гвардейское начальство заподозрило, что полковники пытаются под видом ущерба от восстания списать все свои накопившиеся недостачи. 17 апреля К. И. Бистром получил ра-

46 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 883. Л. 9 (Дело штаба Отдельного гвардейского корпуса по переписке с командирами гвардейских частей и петербургским комендантом о сдаче в штаб корпуса оружия, подобранного полицией после восстания 14 декабря 1825 г.).

47 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 890. Л. 4–18 (Об утраченных полками л.-гв. Московским, Гренадерским и Гвардейским Экипажем во время происшествия 14 декабря 1825 г. вещам).

48 Там же. Л. 19–20 об.

49 Там же. Л. 21.

порт от командира л.-гв. Московского полка Фредерикса, который утверждал, что преувеличений в ведомостях нет, напротив, утраченных 14 декабря вещей оказывается даже больше, чем показано в ведомости. В этом же рапорте Фредерикс предлагал все материальные убытки взыскать с ротных командиров, виновных в восстании⁵⁰. Идея эта была принята, стало быть, убытки должны были быть вменены декабристам. Полки продолжали утрясать ведомости и уточнять размер ущерба. Вслед за Московским, лейб-Гренадерский полк и Гвардейский экипаж также подали объяснения, из которых следовало, что количество утраченных вещей заявлено обоснованно⁵¹. Была выведена общая по трем полкам оценка утраченного казенного имущества. Сумма, которая должна была быть взыскана с декабристов, составила 12 213 руб. 93 коп.⁵²

Но на этом переписка об определении действительного количества и реальной стоимости утерянного имущества не закончилась, она тянулась еще год. Видимо, верховное командование все же считало полковые списки дутыми. Во всяком случае, 22 марта 1827 г. К. И. Бистром вновь писал вел. кн. Михаилу Павловичу, защищая полковых командиров. Он объяснял, что столь значительная потеря вещей связана с тем, что восставшие солдаты, убегая с Сенатской площади, прятались, переодевались и бросали свои форменные вещи и оружие, и никаких приписок со стороны полковых командиров, по его мнению, здесь нет⁵³. Однако, — продолжал Бистром, — дело уже решено начальником Главного штаба И. И. Дибичем. На предложение взыскать стоимость утраченного имущества с зачинщиков восстания опытный службист Дибич возразил, что такого размера потери имущества произошли не из-за мятежников, а потому, что полки не приняли своевременно должных мер по сбору оружия и вещей. Они предпочли дожидаться, когда это проделает полиция, проявив тем самым нерадивость. Кроме того, Дибич напомнил об изданном уже 22 августа 1826 г. высочайшем манифесте, согласно которому все оставшиеся за декабристами казенные денежные претензии по их прежней службе наследникам их прощались, а полкам суммы компенсировались из казны. По мнению начальника Главного штаба, претензии гвардейских полков должны быть подведены под этот манифест.

Представляется, что распоряжение Дибича не могло не быть согласовано с императором. А Николай I из соображений политических вряд ли был в восторге от идеи взыскать указанные суммы с зачинщиков восстания. Более того, он уже сделал несколько важных жестов в противоположном направлении, и манифест 22 августа был в их числе. Сами декабристы, как известно, приговором ли-

шались всех прав состояния, их имения переходили к наследникам, как если бы они умерли. Таким образом, взыскание казенных долгов обратилось бы также на наследников, родственников декабристов. Со стороны Николая I аннулирование казенных долгов осужденных было не только жестом, призванным продемонстрировать монаршее великодушие, но и актом простой справедливости. Денежное и имущественное хозяйство полка того времени представляло собой настолько сложную и запутанную систему, полковые командиры имели вполне легальное право вести дела полка отчасти на коммерческой основе (скажем, купив припасы по одной цене, при колебании цен сыграть на этом, перепродать их и купить другие с выгодой для полковых сумм; пустить в продажу старых лошадей и формально выслужившие свой срок вещи и т. д.). Поэтому внезапный арест полкового командира (что и произошло с некоторыми декабристами) в большом числе случаев мог обнаружить денежную недостачу просто потому, что деньги в тот момент находились где-то в обороте. Если прибавить к этому весьма путаную систему учета и отчетности, ясно, что до конца распутать финансовые обстоятельства полка после ареста командира было столь же сложно, как и арестованному полковнику, сидя в крепости, оправдаться: оставайся он при своей должности, он бы изыскал возможность привести денежные дела в порядок. Николай I, по-видимому, решил строго дозировать кары и не пугать без необходимости всех в армии полковых командиров. Они должны были уяснить: мелкие комбинации с казенными суммами — это одно, участие в политическом комплоте — совсем другое.

С другой стороны, после осуждения декабристов Николай I распорядился навести справки об имущественном положении их родственников, и в случае, если те с осуждением родственника лишились кормильца, или же находятся в тяжелом положении из-за расстройств имений, оказать им помощь. Целому ряду семей (как правило, престарелым матерям, сестрам) было назначено казенное пособие в виде пенсии. Причем в число получивших его вошла, к примеру, мать Д. А. Щепина-Ростовского. Это также должно было улучшить образ нового императора в глазах дворянского сословия. И на этом фоне взыскание с виновников 14 декабря казенных претензий было бы неуместно.

Восстанавливая отношения с гвардией после своего воцарения, Николай I избрал достаточно гибкую и тонкую тактику, вопреки сложившемуся о нем прежде мнению как о командире мелочном и придиричвом (или, быть может, как раз это мнение он имел в виду и старался скорректировать). Он эффектно дозировал суровые кары и щедрые раздачи наград и милостей, демонстрировал справедливость и великодушие. И эта политика оказалась вполне успешной: более проблем с неповиновением гвардии на протяжении его царствования не случалось.

⁵⁰ Там же. Л. 23–24.

⁵¹ Там же. Л. 27–30.

⁵² Там же. Л. 36–37 об.

⁵³ Там же. Л. 60–61.